

Адмираль. Драма о прощёлканной России

Эпизод первый. Тумань. В тумане медленно и величаво, роняя мины в кильватерный след, движется корабль системы пароходь.

Пароходом командует Адмираль. Он душка.

Еще на пароходе есть Старший офицер. Он тряпка и размазня, потому и без твердого знака.

Старший офицер, скрипуче: Право, Ихтиандр Квасильич, я не понимаю, отчего мы ставим мины в эдакой тумань.

Адмираль, таинственно: Тссс!

Матрозен с трижды орденосного флота японаматери малолшумного ракетного крейсера «Фридрих Карл фон Газень Вагень и сыновья», из тумана, злорадно: Хо-хо! Рус сдавайс!

Адмираль, в матюгальник, с твердым знаком: Накося выкуси!

«Фридрих Карл фон Газень Вагень»: Ахтак! Ахвотвыкак! (взрывается тыщ на четыреста в твердой валюте)

Мириканський специалист по спецэф фектам: Я есть должен вас перду-пердить, шьто с такой откат ваш бюджет мала-мала тшетыре взрыва не хватит.

Режиссер: Дак нам больше и не надо. Остальное – крупный план...

* * *

Эпизод второй. Крупный план, как обещали. Крупным планом – Лиза Боярская. Она в образе.

Лиза Боярская: Папа, я же ясно сказала: я НЕ НАДЕНУ твою дурацкую шляпу.

Офицерское собрание. Блаародное общество играет в фанты. За кадром слышатся вальсы Шуберта и хруст французских булок, проверяемых на разрыв.

Дамы, кокетливо, вразнобой: Ваш фант погашен, Ксенофонт Кондратьич! Можете опустить руки и отойти от стенки. А вы, Арчибалд Илларионыч, с одним глазом даже интересней...

Двери распахиваются, входит Адмираль. Он душка. Китель его без пуговиц, а на лице блуждает одинокая эмоция.

Адмираль, плотоядно: Нну-с, и где эта Лиза Боярская, которой я должен пожать лапу?

Дамы, сконфуженно: Ахти! Ихтиандр Квасильич снова все перепутал.

Лиза Боярская, в шляпе и в образе, смотрит на Адмирала очень пронзительно. Под воздействием ее гипнотического взгляда с адмиральского кителя отлетает последняя пуговица.

Женская половина зрительного зала, с готовностью: Беееденький! (рыдает)

Мириканський специалист по спецэф фектам: Но затшэмь?! Затшэмь мы снимать восемь минут один пуговиц? Этот пуговиц есть тормозить сюжет!

Режиссер: Засохни, плесень. У нас ЭПИЧЕСКОЕ кино.

* * *

Эпизод третий. Ночь. Квартира Адмирала. В квартире Адмиральша и Прекрасное дитя. Они ждут папку из

блаародного собрания.

Прекрасное дитя: Мам, а папа у нас теперь кто, ко-ко-контр-адмирал?

Адмиральша: Кобель твой папа. (плачет)

Женская часть аудитории, возмущенно: Дура! У них же любовь.

Тумань. В тумане, знаменуя торжество компьютерной графики над здравым смыслом, движется трехтрубный крейсерь «Слава», в девичестве - эскадренный броненосец, оснащенный Адмиралом и плазменным ускорителем.

На крейсере драма. Старший офицер, законный супруг Лизы Боярской, явился к Адмиралу с рапортом о переводе.

Адмираль, подозрительно: Уж не хотите ли вы сказать, господин Боярский, будто я и ваша жена...

Старший офицер: Госсподи, да мне просто надоело ходить в тумань на эти бесполезные минные постановки, а потом возвращаться в базу по собственным минам под благодарственный молебен. Но поскольку все это слишком длинно и сложно для нашей целевой аудитории, черт с вами, пусть будет жена.

Вахтенный мичмань, врываясь внезапно (что составляет львиную долю логических связей в художественномъ фильме): Ихтиандр Квасильич! (тычет пальцем в иллюминатор) Там немцы наших бьют!

Старший офицер, возмущенно: А прогос, я вовсе не Боярский. Я Тимирязев, потому что это только вы у нас Колчак, а все остальные - аллегория.

Адмираль, мужественно: К черту подробности! Шашки вон! Полный вперед!

Гаспарян, в зрительном зале: Какие люди, бог ты мой (рыдает).

Скупая панорама запутанных ходов сообщения, отрытых Нашим генералом (с твердым знаком), большим энтузиастом этого дела. Коварные немцы действительно бьют наших гаубицами системы Латыниной.

Немцы, злорадно: Курка, млёко, яйки, штандер-штандер, рус капут.

Резкий визг корабельных тормозов заставляет их умолкнуть. Это становится на якорь примчавшийся на выручку эскадренный бронекрейсер „Слава”.

Наш генераль, в телефонную трубку, через ять: На „Славе”, ять! По немцам, ять! Из главного калибра, ять твою мать!

„Слава”: Бдыщ! Бдыщ! Ды-бы-дыщ!

Мириканський специалист по спецэффектам, загибая пальцы: Два... Три... Тшетыре... Фсёу! Дъеньги контшился.

Режиссер: А и болт с ними. Дальше все равно про любовь.

* * *

Эпизод четвертый. Деньги кончились, потому про чувства. Дешевле всего снимать про любовь. Любовь бывает нескольких видов:

а) любовь к Родине. Адмираль на приеме у Государя Императора в Нескучном Саду. Они душки. Оба. Гаспарян в зрительном зале встает во фронт.

Императорь, задумчиво: Поди сюда, невысоклик. Жалую тебя вице-адмиралом. Поедешь в Серые Гавани орка воевать.

Адмираль затравленно косится на государева адъютанта. Тот красноречиво разводит руками.

Императорь, шаря по карманам: Вот тебе на дорожку фиал со светом Вечерней Звезды... или нет, фиал я сам выпью, а ты лучше икону вот возьми. Да бери, не стесняйся, я себе еще нарисую.

Адмираль, не дрогнув лицом, сует икону под мышку.

Адмираль, верноподданнически: Разрешите идти?

Императоръ, расслабленно: А, элберет гилтониэль, ступай себе с богом.

Сереге Баринов в зрительном зале запеваает "Боже, царя храни".

Питер Джексон, бубнит: Это моя трава. Это моя трава. Это моя...

б) любовь к женщине. Адмираль и мадам Боярская под дождем. На лице у обоих вода и полторы эмоции.

Лиза Боярская, энтузиастически: А я вам письмо написала. Сперва шрифтом Брайля, потом азбукой Морзе, а остальное с балкона отсемафору, когда муж уснет.

Адмираль, с чувством: Бесценная моя, несравненная моя... простите, как ваше имя-отчество?

Лиза Боярская, папиным голосом: Анна Васильевна я.

Адмираль, печально: Так вот, любезная моя Анна Васильевна, больше мы с вами не увидимся.

Лиза Боярская, глупо: А почему?

Адмираль, плоско: Военная тайна.

Лиза Боярская: Костя, ты извини, конечно, но чота ты сегодня совсем не стараешься.

Константин Хабенский: Потому что меня бесят твои дурацкие шляпы. Такое чувство, что у нас тут не «Адмираль», а простигоспади «Три мушкетера».

Лиза Боярская: Ахтак! (делает широкий жест от локтя) Это «до свиданья» на языке глухонемых.

Режиссер: Снято!

* * *

Эпизод пятый. Скорый поезд «Санкт-Петербург – Севастополь» только что миновал Инкерман. Из окна купейного вагона Адмираль благоговейно обозревает Севастопольскую бухту, забитую разнокалиберными броненосцами, броненосиками и броненосищами. Создается впечатление, что всех их приволокли на Черную речку на распил. Вероятно, это дальние предки Военно-морских сил Украины.

Проводница: Товарищи, постельки сдаем.

Режиссер, возмущенно: Женщина! У нас тут эпическое, с твердым знаком, кино!

Проводница: Охъ, запамятовала. Сдаемъ постельки, господа-сь.

Тем временем в Кронштадте манифест и революция. Лохматые революционные матросы пачками расстреливают реакционное офицерство с видом на Морской собор.

Революционные матросы: Господа, будьте добры. Не создавайте паники. В очередь, господа. (читают по бумажке) Именем революционного трибунала...

Адмирал Непенин: Этот расстрел сосёт.

Революционные матросы, терпеливо: ...во исполнение нижеследующей директивы Центробалта...

Адмирал Непенин: Горизонт завален.

Революционные матросы, настойчиво: ...по классовому врагу мирового пролетариата, это и к вам относится, гражданин...

Адмирал Непенин: Тёмкин, используй lj-cut.

Утомленные революционные матросы банят адмирала Непенина прикладом. Старший офицер, законный муж Боярской, пользуясь случаем, удирает с расстрела домой.

Старший офицер, в кипеше: Лизавета, паром отходит через час. Собирай манатки, они убили Кенни.

Лиза Боярская: Вот ужас-то. А у меня, представляешь, сегодня в кафе увели перчатки, и я полюбила другого.

Старший офицер, скорбно: Какие, к монахам, перчатки? У нас тут революция! Непенин забанен! Вся власть Советам, понимаешь?

Лиза Боярская, хватая шляпную картонку: Да хоть три революции. Я не могу бежать непричесанная, это раз, а во-вторых, мне по этому адресу пишет, ну, один человек, ты его не знаешь.

Старший офицер, прозревая: Лизавета, ты – ДУРА!

Лиза Боярская: Вообще-то, по сценарию я – Аня.

Зрительный зал свистит.

Севастополь. Выразительный интерьер адмиральской каюты с видом на гвардейский ракетный крейсер «Москва». Адмираль зачитывает офицерскому собранию высочайший манифест.

Адмираль, возмущенно: Безобразие, господа. У людей там революция, а на нашем флоте, судя по видеоряду, никаких предпосылок для революционного брожения.

Старший офицер, осторожно: Может, червивое мясо попробовать? Говорят, помогает...

* * *

Эпизод шестой. Севастополь. Выразительный интерьер адмиральской каюты с видом на гвардейский ракетный крейсер «Москва». За письменным столом самозабвенно трудится Адмираль.

Голос за кадром: «День четвертый. Все еще не герой. Пассивность потенциально революционных слоев населения сводит с ума. Категорически отказываются создавать первичные ячейки. Никакого представления о партийной организации! Нееет, если мне действительно хочется в Питер, придется взять эту неблагодарную работу на себя...»

Закат над Константиновским фортом. На баке флагмана лясничают матросы с Простыми Русскими Лицами.

1-й матрос: Благодетель-то наш, Ихтияндр Квасильич, через смуту питербурхскую совсем с лица спал.

2-й матрос: Переживает.

3-й матрос: Даве литинанта Шмидта окаянного эвона с каким оркестром перезахоронил, а народишко ни в какую.

1-й матрос: Да нешто, братцы, не устроим нашему барину эфту, едри её душу, леворуцию?

Прочие матросы, хором: Даёшь! (отпускают бороды, разлохмачивают волосы, повязывают на форменки алые банты, ругаются матом)

Адмиральская каюта. Адмираль слышит стук матросских ботинок в дверь и блаженно улыбается.

Матросы, ломая дверь: Не гневись, батюшка! Леворуционный, значит, комитет пришел тебя всего как есть арестовать...

Адмираль, подсказывает: «...и конфисковать личное оружие».

Матросы, покладисто: Да, да, и оружию твою... эфто самое... того этого...

Адмираль, звучно, расправив плечи: Пшли все вон отсюда! Через две минуты общий сбор на верхней палубе. Я щас. (суетливо бросается к рундуку, достает парадный китель, придирчиво проверяет пуговицы).

Общий сбор на верхней палубе. Входит Адмираль. Он душка. Проходя мимо строя матросов, он мурлычет «Из-за острова на стрежень» и придирчиво поправляет на них революционные банты.

Адмираль, звучно: Революция, о которой так долго говорили большевики, свершилась! Офицерам – сдать

личное оружие!

Офицеры обрадованно роняют на палубу револьверы и кортики.

Матросы, смущенно: Да мы чо... мы это... Ихтияндр Квасильич! Пошутили мы!

Адмираль, гнусаво: И за бо-орт ее бросает в набежавшую волну! (швыряет в море наградную георгиевскую саблю, вприпрыжку убегает в Петербург. Сабля тонет – восемь минут, мягкий свет, крупный план. Мириканський специалист по спецэффектам открывает было рот, но вовремя спохватывается).

Зрительный зал рыдает.

Петербург. Ставка Временного правительства. Адмираль на приеме у Керенского, в котором угадывается плохо загриммированный Николай Второй.

Керенский, категорично: Слышать ничего не желаю. В Америку, батенька, в Америку! Когда нам понадобится прощелкать Россию, мы вас позовем.

Адмираль послушно уходит. На крыльце его караулит Лиза Боярская в шляпе и в образе.

Лиза Боярская: Не смотрите на меня так. Кино ведь все-таки про любовь.

Адмираль с чувством лобзает ей руки и отчаливает в Америку.

* * *

Эпизод седьмой. Транссибирская магистраль. В переполненном коридоре купейного вагона скорого поезда «Москва-Владивосток» сталкиваются Лиза Боярская и колчаковский флаг-офицер в костюме мужика.

Лиза Боярская, обмахиваясь шляпой: А, господин флаг-офицер. Чтой-то вы по-простому, без погон?

Флаг-офицер, затравленно: Умоляю, тише! Здесь повсюду Кровавая Гэбня.

Лиза Боярская: Да бог с вами! Рецензий не читали, что ли? В этом фильме нет Кровавой Гэбни.

Режиссер: Точно-точно. И в этом его несомненный плюс.

Пассажир в штатском, авторитетно: Кровавая Гэбня – это выдумки оголтелой поповщины. Не совестно, гражданин?

Лиза Боярская, храбро: Вот хотите, я сейчас скажу на весь вагон, что моего мужа, ответственного работника, отправили до конечной разоружать Тихоокеанский флот?

Флаг-офицер, испуганно: Не надо! Я вам верю. Сам-то я только до Омска, там Колчакъ, он собирает войска.

Лиза Боярская, рассеянно: Надо же. А у меня такое чувство, будто я до конца фильма проторчу в этом поезде.

Пассажир в штатском: Не отвлекайте человека, гражданка. (делает пометку в блокноте) Так вы сказали – Колчакъ? Он разве не в Америке?

Флаг-офицер, с жаром: Клянусь честью, нет! Не сегодня – завтра он объявит себя Верховным правителем России и начнет поход на Москву!

Лиза Боярская: Батюшки! Так а я-то чего тут сижу? В Москву, в Москву! (убегает)

Пассажир в штатском: Что вы говорите! Кто бы мог подумать! (вежливо подталкивает флаг-офицера к выходу) А как у него с транспортом, вы не в курсе?

Душное купе скорого поезда «Москва-Владивосток». На нижней полке храпит законный супруг Лизы Боярской, знакомый нам старший офицер.

Лиза Боярская, суматошно собирая вещи: Только с жилплощади ты меня пока не выписывай. Ну, там, мало ли что.

Старший офицер храпить.

Омск. Снежная равнина. На равнине Адмираль. Он душка и только что провозгласил себя Верховным правителем России, по каковому случаю на снежной равнине служат благодарственный молебен.

Метет метель. Реют триколоры. В переднем ряду, в шляпе и в образе, Лиза Боярская. Она уже поняла, что единственный способ избавиться от шляп – записаться в сестры милосердия.

Адмираль, омским властям, пророчески: Только с жилплощади вы меня пока не выписывайте. Ну, там, мало ли что.

* * *

Эпизод восьмой. Сибирь. Снега. В снегах – солдаты. Перед солдатами - Безруков. Он Каппель.

Вокруг Каппеля штаб. Он в шоке.

Начальник штаба: Ваше превосходительство! Звонил Колчакъ. Сказал наступать.

Каппель: Куда?

Начальник штаба: Куда – не сказал. Связь оборвалась.

Каппель: Проклятый Мегафон.

Начальник штаба, истерически: К вышеизложенному разрешите присовокупить доклад о текущем положении. Хлеба – нет. Сена – нет. Мяса – нет. Патронов – тоже нет!

Каппель, нетерпеливо: Ну, хоть что-то у нас есть?

Начальник штаба, саркастически: Оркестр!

Каппель: Подать сюда оркестр!

Подают оркестр. Он тоже в шоке.

Каппель, солдатам: Братва! (задумывается) То есть, братцы! Хлеба нет. Сена нет. Патронов тоже нет. Зато есть оркестр!

Солдаты уныло ковыряют лаптями снег. Они не впечатлены.

Каппель: Так что хрен с ними, с патронами! Потому что мы – бригада! Примкнуть штыки! Ура!

Бойцы без энтузиазма делают ура на ближайšie окопы. Оркестр конвульсивно исполняет танец маленьких лебедей из одноименного озера Чайковского. Гаспарян в зрительном зале подпевает. Его выводят.

Бойцы, озадаченно: Какая, нахрен, бригада? Тут и на полк-то еле наберется.

Крупным планом – вражеские окопы. В окопах за пулеметом лежат большевики. Передовая белогвардейская система хозяйствования до них не докатилась, так что большевики чувствуют себя очень неловко при патронах и в теплых валенках.

1-й большевик, тыча пальцем в наступающих каппелевцев: Чо это они?

2-й большевик, пожимая плечами: Психические.

1-й большевик: Может, пульнем?

2-й большевик: Да пёс с ними, с увечными. (забирают пулемет, уходят).

Тыль. Госпиталь. В госпитале Лиза Боярская без шляпы, но в образе.

Голос за кадром: Раненых офицеров привезли!

Лиза Боярская: Сюда, сюда! (суетится в кадре)

Угрюмые рожи вносят раненых офицеров и укладывают вдоль стен.

Сестра милосердия, в наkolке с красным крестом: Ах, барышня! Не правда ли, Колчакъ такой душка?

Лиза Боярская: Гуно вопросъ. (взбивает локонъ страсти)

Голос за кадром: Раненых офицеров привезли!

Лиза Боярская: Сюда, сюда! (суетится)

Угрюмые рожи вносят вторую партию раненых офицеров и укладывают на уже лежащих.

Сестра милосердия, игриво: Вот чуднО! Куда же они возят раненых рядовых?

Угрюмые рожи: Никуда не возим. Там закапываем. (уходят, символизируя ужасы Гражданской войны).

Раненые офицеры из первой партии: Барышня... Воды...

Лиза Боярская: Сельтерской? (взбивает второй локонъ страсти и вообще, всячески выпендривается без шляпы)

Сестра милосердия, мечтательно: А уж Безруковъ-то какой душка!

Лиза Боярская, строго: Безруковъ не душка. Безруковъ Каппель.

В снегах Сибири благодарное население вручает Адмиралу гуся. К тощей гусиной шее прикручена антибольшевистская табличка «Я вам не товарищ».

Адмиралъ велит оформить гуся на персональное довольствие. Вегетарианцы в зале рыдают, не желая замечать двусмысленности фразы.

* * *

Эпизод девятый. Тылъ. Госпиталь. Сестры милосердия красят ногти в ординаторской. Среди них Лиза Боярская без шляпы, но в образе.

Сестры милосердия, Лизе, завистливо: А верно ли болтают, будто у вас с Ихтияндром Квасиличем амор?

Лиза Боярская: Истинный крест! Он меня во втором эпизоде знаете как страстно лобзднул? Даже в киноверсию не вошло.

Сестры милосердия, цинично: Как же-съ, лобзднул. На спор, небось.

Голос за кадром: Раненых офицеров привезли!

Лиза Боярская, патриотически: Господи, да когда же кончится эта кровавая, бессмысленная война. (решительно вешает на дверь табличку «Обеденный перерывъ»).

Ставка Адмирала. Утверждение стратегической доктрины белогвардейского движения. За столом цвет белого офицества, густо увешанный аксельбантами, а также заграничные интервенты и министр по делам внеземных цивилизаций господин Пепелацевъ. Во главе стола – собственно Адмиралъ. Судя по мученической гримасе, он пытается мыслить стратегически.

Адмиралъ, стратегически: Подведем итоги, господа. Ключевые положения нашей внутренней политики, а именно - «Съ Богомъ» и «Заграница нам поможет», остаются неизменными.

Заграница: О, йя-йя. Ми хотеть золото-бранзулетки и Кемска волость.

Адмиралъ: Ручаюсь честью, как только наши казаки войдут в Москву...

Заграница, без малейшего акцента: Тогда деньги вперед!

Адмиралъ, игнорируя заграницу: Также, в целях усовершенствования наступательной тактики генерала Каппеля, приказываю немедля снабдить все полковые оркестры валторнами за счет золотого запаса. Дополнительно, для укрепления боеспособности, увеличить суточную норму благодарственных молебнов до четырех на дню.

Министр по делам внеземных цивилизаций: Вношу попутное предложение вернуть планете Марс ее естественный зеленый цвет. До каких пор проклятые большевики...

Его пламенная речь грубо прерывается диким воплем какого-то непричесанного хрена.

Какой-то хрен, возбужденно: Шухеръ, господа! Красные на окраинах города! Все в Иркутскъ!

Все: В Иркутскъ! В Иркутскъ! (убегают, едва не сбив с ног подоспевшую Лизу Боярскую в шляпе и в образе).

Адмираль, меланхолически: Какая жалость. А ведь у меня еще столько идей.

Вокзаль. Перронъ. На перроне Лиза Боярская в шляпе и в образе. Вокруг вагоны, суматоха и кошмары неорганизованной эвакуации. В общем шуме Лиза Боярская справляется о стоимости места в штабном вагоне, узнает расценки и густо краснеет.

Голос за кадром: Раненых офицеров привезли!

Лиза Боярская, мстительно: Подите нафигъ. Я уже в шляпе! (призывно семафорит подошедшему Адмиралу. Зрительный зал замирает в предвкушении Сочного Поцелуя).

Адмираль, с чувством: Все хотел спросить, Анна Васильевна: почему муж у вас Тимирязев, а вы – Лиза Боярская?

Лиза Боярская, с придыханием: Три тысячи чертей, Хабенский! Пипл заждался Сочного Поцелуя, а он допросы устраивает!

Адмираль, сконфуженно: Будьте моей навек! (сочно целует Лизу Боярскую куда-то ниже шляпы. Под рыдания зрительного зала Лиза Боярская удовлетворенно дрыгает ногами в объектив).

* * *

Эпизод десятый. Снега. В снегах Каппель (он Безруков). По заботливо проторенной в снегахъ дороге Каппель поспешает на выручку Адмиралу.

Каппель, привставая в стремянах: Нну-съ, на сколько мы отклонились от курса?

Начальник штаба, сверяясь с картой: На двадцать пять километров, господин генерал. Что с учетом погодных условий, скорости марша и погромов ночных супермаркетов гарантирует нам опоздание на пятнадцать суток.

Каппель, задумчиво: А больше нельзя?

Начальник штаба, пожимая плечами: Да легко. Можно, к примеру, форсировать на подручных средствах ближайшую водную преграду. Правда, в двух километрах отсюда находится мост...

Каппель, кровожадно: Къ черту мостъ! Всем форсировать водную преграду! (пришпоривает коня, проваливается в полыню, отмораживает лошадь и ноги).

Белое офицерство, восхищенно: Он фаталистъ!

Лошадь Каппеля, сумрачно: Он идиотъ.

Константин Хабенский, обиженно: Эй! Это была моя прорубь!

Режиссер, утомленно: Твоя будет в Иркутске. Это я так, публику разогреть.

Константин Хабенский, бубнит: Теперь все скажут, что я работаю под Безрукова.

Режиссер, нравоучительно: Пойми, деревня, это символический момент. Он как бы говорит нам: история повторяется. Сначала как фарс, потом как трагедия. (задумывается) Или наоборот (заботливо поправляет грим на Каппеле, который, сидя на снегу, примеряет сухие сапоги).

Каппель, придиричиво: Нет, корнет, ваши мне не подойдут. У вас сорок второй размер, а у меня сорок один с половиной. А у вас, поручик, извините, грибокъ. А у вас кожа не той выделки. Чо я, в натуре, один лох на все белое офицерство - кирзу топтать?

Режиссер, певуче: Сережа! Не выходи из образа.

Каппель, многозначительно: Да, да, вот такъ, въ носкахъ, и пойду! Отморожу ноги, чтоб интенданту стало стыдно!

Крупным планом – породистое лицо интенданта. Это белогвардейский интендант, дворянин в седьмом колене. Ему мучительно стыдно. Шатающейся походкой он идет въ снега и стреляется. Терпеливо дожидавшийся этого момета адъютант Каппеля стаскивает с интенданта сапоги. Сапоги не подходят. Под сочувственными взглядами штабных Каппель перематывает ноги вафельными полотенцами.

Лошадь Каппеля, отряхиваясь, ядовито: Это называется „ни одно животное не пострадало“.

Сибирь. Поездъ. В поезде Адмираль, конвой, белочехи и белофранцузы. Также в штабном вагоне замечена Лиза Боярская без билета, но в шляпе.

Контролер, укоризненно: Гражданочка! Вы разве не знаете, почем проезд в штабном вагоне?

Лиза Боярская, вспыхивая: Подите къ черту. У меня теперь проездной (хлопает дверью купе, за которой ее дожидается Адмираль).

Адмираль, съ чувствомъ: Какъ долго я ждалъ этого момента!

Зрительный зал: Ыыыы! (пускает слюни в ведерки с попкорном)

Лиза Боярская, кокетливо: Какого именно, Ихтиандр Квасильич?

Адмираль, съ чувствомъ: Когда можно будет елку наряжать. Вотъ, глядите-съ, у всех конвойных темляки с шашек отодрал. (вдохновенно вешает темляки на елку, которая стоит на рояле в углу купе. Помимо темляков, на елке замечены снарядные гильзы, обрывки наглядной агитации и патроны, без которых так прекрасно обходится Каппель).

Под монотонный стук колес Лиза Боярская тоскливо смотрит на счетчик, отмеряющий расстояние до Иркутска.

* * *

Эпизод одиннадцатый. Снега. По снегамъ, в папахе, но без валенок, тащится Каппель. За ним трусцой бежит начальник штаба.

Начальник штаба, задыхаясь: Господин генерал! Умоляю, наденьте валенки.

Каппель, стуча зубами: Не могу. Я слово дал.

Начальник штаба, в отчаяньи: Какое слово, господи?

Каппель, возвышенно и печально: Ноги отморозить.

Начальник штаба, молитвенно: Владимир Оскарович! Родненький! Ну, ради России!

Каппель, торжественно: Вот ради неё, родимой, и отморожу (валится въ снега).

Поездъ. Штабной вагонъ. В вагоне Лиза Боярская и Адмираль. Они играют в ладушки на жесткой купейной полке.

Лиза Боярская, тоскливо: Ихтиандр Квасильич! Триста километров до Нижнеудинска, а мы с вами так и не потанцевали. Я не то чтоб напрашиваюсь, но зрители не поймут.

Адмираль, удрученно: Так ведь негде, Анна Васильевна. Тесно тут у нас.

Лиза Боярская, злобно: Ну еще бы. Плохому танцору, как говорится... (с ненавистью глядит на счетчик, отмеряющий расстояние до Иркутска).

Сибирь. Музей деревянного зодчества, символизирующий патриархальность быта и соборность духа. В музее Каппель, символизирующий Маресьева, и седенький докторъ, символизирующий нелегкую судьбу провинциальной интеллигенции.

Каппель, слабым голосом: Доктор, а я точно помру?

Докторъ: Помрешь, голубчик, помрешь (дезинфицирует Каппеля снаружи).

Каппель: Даже раньше Хабенского?

Докторъ: Раньше, голубчик, раньше (дезинфицирует Каппеля изнутри).

Каппель: Доктор! А наркоз будет?

Докторъ: Что вы, голубчик. Хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается. Ну-съ, начнем, помолясь (молятся, символизируя моральную чистоту).

Каппель, невнятно: Скажите, докторъ... А на лисапете ездить я смогу?

Докторъ, ассистентам: Да заткните же его кто-нибудь (под нечеловеческую музыку пилит Каппеля ржавой ножовкой по металлу, символизирующей бессилие науки перед Судьбой).

Хабенский: Гыы, безногий Безруков.

Режиссер, ядовито: Не-смеш-но, Костя. Не-смеш-но.

Поездъ. Штабной вагонъ. В вагоне белофранцузы и белочехи прессуют Адмирала насчет бранзулетов.

Адмираль: Вы жалкие, ничтожные личности. Нате, ешьте мое мясо, пейте мою кровь (рвет на груди батистовую тельняшку).

Белофранцузский генерал, сконфуженно: Зачем же так, Ихтиандр Квасильевич. Мы гарантируем вам полную неприкосновенность.

Адмираль, оперативно: И шенгенскую визу!

Белофранцузский генерал, удивленно: Вы хотите покинуть Россию?

Адмираль, поспешно: Ну, если вы настаиваете...

Сибирь. Снега. В снегахъ, естественно, Каппель. Он верхом, без ног и без валенок. Вокруг Каппеля штаб. Он в шоке.

Лошадь Каппеля: А уж я-то в каком шоке. Но кто меня спрашивает.

Зрительный зал: Гыыы, безногий Безруков.

Режиссер, поспешно: Черный юмор! Так и задумано!

Начальник штаба, со слезою в голосе: Владимир Оскарович! Я прошу вас!

Каппель, довольно: Видали? Теперь мы точно опоздаемъ (едет в ближайшую деревню, умирает в корчахъ. Зрительный зал меланхолично жует попкорн).

* * *

Эпизод двенадцатый. Иркутскъ. Штабной вагонъ. В вагоне делегаты Иркутского политсовета торгуются с интервентами насчет Адмирала. Они в онучах, армяках и косоворотках.

Иркутский политсовет, вытирая руки о скатерть: Такшта вона оно што, граждане буржуазные империалисты. Меняем, значитса, его сковородие господина Адмирала на рельсы от вашенского паровоза (лузгает семечки на паркет).

Белофранцузский генерал, высокомерно: Кескет вулеву. Авек плезир.

Переводчик: И зачем нам ваши рельсы?

Иркутский политсовет, с пролетарской прямою: А затем, что паровозик ваш без рельсов не ехает. Не ехает, значитса, паровозик-то (смотркается в портьеру).

Белофранцузский генерал, задумчиво: Вулеву лямур де труа.

Переводчик: Вы ставите нас в неловкое положение. Мы гарантировали господину адмиралу неприкосновенность личности.

Иркутский политсовет, шаркая онучами: Да нешто мы нехристи какие, в личность стрелять? Шлепнем в пузо, в лучшем виде, по-заграничному (вытирает нос рукавом).

Белофранцузский генерал, пожимая плечами: А ля герр ком а ля герр. Комси комса.

Переводчик: Вам с доставкой посчитать или самовывозом?

Иркутский политсовет, с крестьянской лукавинкой: Доставим, барин, доставим. Ужо не сумлеваиси (смачно сплевывает на скатерть, уходит. В коридоре его догоняет запыхавшийся Переводчик).

Переводчик, заговорщицки: Слышь, мужики... такое дело... шляпа Боярского, говорю, не нужна? За поллитру уступлю.

Иркутский политсовет, пронизательно: Видали мы вашу шляпу. Свят-свят (истово крестится на стоп-кран, демонстрируя неоднозначность политической ситуации в России времен гражданской войны).

Лиза Боярская, за дверью адмиральского купе: Хамы!

Иркутский политсовет, деликатно выламывая двери: Барышня, Адмирала позови.

Лиза Боярская, заслоняя Адмирала грудью: Он сегодня не выйдет. Он наказан.

Иркутский политсовет, не впечатленный грудью: Адмиралы! Выходи! Выходи, подлый трус! (ломает рояль в углу купе).

Адмирал, с верхней полки, с достоинством: Оставьте инструмент в покое. Я выхожу.

Лиза Боярская, в шляпе и в образе: Я с вами, Ихтиандр Квасильевич!

Иркутский политсовет, злорадно: Сожалеем, гражданочка. Никак невозможно.

Лиза Боярская: Да как вы смеете! Да я... да я... да я ранена на колчаковских фронтах!

Иркутский политсовет, саркастически: С полки, штоль, свалилась? (прячет в карман серебряные ложки).

Лиза Боярская, храбро: А еще, чтоб вы знали, я его жена!

Адмирал, поспешно: Походно-полевая! То есть, гражданская.

Иркутский политсовет, мстительно: Однем словом, буржуазный пережиток и бытовое излишество.

Хабенский, утомленно: Слышь, Боярская. Ты давай вали уже из кадра со своим крупным планом. Счаз моя очередь и вообще. Где тут у вас прорубь? (уходит, сопровождаемый Иркутским политсоветом. Лиза Боярская, в шляпе и в образе, преследует их на крейсерской скорости).

Следует пятнадцатиминутная врезка из художественного кинофильма «Титаник», символизирующая масштабность трагедии и одновременно существенно экономящая бюджет. Американский специалист по спецэффектам кусает локти. До такого он своими американскими мозгами не допетрил бы никогда.

Зрительный зал, жуя попкорн: Это ж надо – айсберг в проруби. От проклятое большевицье.

* * *

Эпилог. Хренадцать лет спустя. Мрачные интерьеры орденоносной киностудии "Мосфильм", где в нечеловеческих условиях тоталитарной советской действительности идут съемки художественного фильма «Война и мир».

По съемочной площадке, непринужденно поигрывая маузерами, шляются ассистенты в штатском. Они проверяют статистов на предмет наличия связей в белой эмиграции.

В кадре, иллюстрируя немеркнущую истину о детях гениев, Федор Бондарчук в роли Сергея Бондарчука и Лиза Боярская в роли Боярского.

Бондарчук, шипит: Лиза, это смешно. Это низко! В «Войне и мире» не было никакого Боярского! (выпихивает Лизу из кадра. Статистам, повелительно) Вальс!

Под колючими взглядами ассистентов в штатском перепуганные статисты неуклюже вальсируют, демонстрируя пролетарское происхождение в третьем колене.

Бондарчук, ассистентам, страдальчески: Товарищи! Ну неужели у вас в застенках не осталось ни одного заваливающего гаспаряна? Ну не могу же я снимать в «Войне и мире» эти колхозные рожи!

Ассистенты, посмеиваясь: Сымешь, родной. Куда ты денисси. Тут одно из двух: или ты сымешь, или тебя повесюют. (уходят, скрипя кожанками и символизируя идеологический гнет).

Бондарчук, помрежу, мученически: Вот, пожалуйста. Всю жизнь мечтал снимать трэш-хоррор в Америке, а снимаю нудную толстовщину в Этой Стране.

Помреж, пророчески: Крепитесь, товарищ Бондарчук. Может, хоть сын ваш, Федор, при демократии творчески реализуется.

Их разговор прерывает какая-то возня на заднем плане. Взоры присутствующих устремляются к источнику шума. Это Лиза Боярская, отсидевшая тридцать лет по статье УК «Платоническая связь с руководителями Белого движения в особо извращенной форме». Она в гриме, в шляпе и в образе.

Лиза Боярская: Да я! На колчаковских фронтах! Да вы знаете, почему там был проезд в штабном вагоне?

Бондарчук, восторженно: Товарищи, это же гениально. Где я еще найду такое лицо? (экстатически бьет фужеры с шампанским на сдачу от гонорара мириканского специалиста по спецэффектам. Под звон хрустала певица Вика Цыганова исполняет старинный белогвардейский романс «Сентраль де Вольдемар, этапом до Шабли»).

(C) <http://alyonasl.diary.ru/>

Автор: Артур Скальский © Babr24.com КУЛЬТУРА, ИРКУТСК 👁 6135 31.10.2008, 19:03 📌 234

URL: <https://babr24.com/?ADE=48416> Bytes: 31014 / 31014 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)